

Независимая газета. — 1992. — 7 марта — С. 7

Иосиф Райхильгауз: «Я ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО ИСКУССТВО НЕ СТОИТ ЖИЗНИ...

Может быть, это странно, но у меня никогда не было (да и сейчас нет) мечты создать свой театр. Но есть мечта работать в хорошей компании»

Марина Давыдова

Театр

— В «ШКОЛУ современной пьесы» я позвал Альберта Филозова, с которым мы прекрасно работали в Театре Станиславского, Л. Полищук, Э. Виторгана, А. Балтер... Недавно у нас состоялась премьера спектакля Сергея Юрского, которого я тоже очень люблю. Сам не ожидал, честно говоря, что театр получится такой звездный: А. Ромашин, А. Филиппенко, Л. Гурченко, А. Петренко. Буду звать только тех, кто мне интересен — творчески и человечески.

— Можно сказать, что почти все режиссеры вашего поколения пытаются решить проблему предельной достоверности душевных переживаний героя, помещенного в неожиданное игровое пространство, или это не так?

— Все началось еще в институте. Мне повезло, в ГИТИСе я попал к хорошим педагогам, но самое главное — это был замечательный курс. На нем учились Борис Морозов, Рифкат Исрафилов, Регина Степанавичута, нынешний главный режиссер петербургского ТЮЗа Андрей Андреев, самый знаменитый и скандальный из нас Анатолий Васильев. Уже на втором курсе я репетировал (как режиссер) «Сорок первый» Лавренива. Жанр мы определи-

ли так: опера для драматического театра. Роли играли Морозов и Андреев, а музыку написал Анатолий Васильев. А богами нашими были Эфрос и Любимов. У одного мы, говоря упрощенно, пытались научиться разбору, у другого — форме. Васильев стал работать во МХАТе, я — в «Современнике», Морозов — в ЦАТСа, Андрей Андреев — в Малом. Надо сказать, что в это время мы были уже достаточно известны. У Васильева был знаменитый спектакль во МХАТе (правда, тогда он целиком приписывался Эфросу) — «Соло для часов с боем», у Морозова были спектакли в Театре Советской Армии, может быть, не лучшие для него, но довольно известные. Всего этого нам казалось мало, и мы с Васильевым задумали создать на базе знаменитой арбузовской студии театр. Это теперь театр может открыть каждый жэк, а тогда он утверждался пленумом Союза писателей. Мы расположились в подвале на Мытной улице. Сюда пришли молодые, никому не известные Игорь Костоловский, Ира Алферова, Стас Садальский, Юра Богатырев... Здесь Васильев начал репетировать «Первый вариант «Вассы Железновой». Славкин прочитал «Взрослую дочь молодого человека», а Петрушевская — «Любовь», «Лестничную клетку», «Чингизно». Там же впервые попались нам пьесы драматурга из ленинградского семинара С. Злотникова. История Мытной закончилась трагически. Одним из создателей театра была Н. Крымова. Она пригласила в театр А. Эфроса, а мы вскоре были вынуждены отсюда уйти.

— Непонимание поколений? — Это тема отдельной статьи. Эфрос при его выдающемся, даже великом вкладе в русскую режиссуру был... В общем, его человеческая программа не всегда совпадала с программой художественной, так скажем. Ведь мы все его любили, хотели учиться у него и даже поступали к нему в ГИТИС. Но важно, что, когда Эфрос пришел в театр, мы отсюда ушли. Ушли из театра, построенного в буквальном

смысле своими руками. Анатолий Васильевич пригласил туда других режиссеров. Ну и театр скоро сгорел.

— Как сгорел?

— Буквально с огнем и дымом. Через некоторое время Ефремов выгнал Васильева из МХАТа, он уехал в Ростов и ставил там в оперетте «Хэлло, Долли», а мы с Морозовым в это время преподавали у Попова, нашего учителя, мастерство актера. Попов был прекрасным артистом и человеком. Он страшно не любил никем руководить, а ему как будто нарочно все время это предлагали. Как-то раз он пришел печальный и на вопрос: «Что случилось?» — ответил, что ему опять предлагают стать главным режиссером — на этот раз Театр Станиславского. Я говорю: «Соглашайтесь, пригласите очередными режиссерами Васильева, Морозова, меня, и сделаем хороший театр». Это был прекрасный эпизод в жизни каждого из нас. Но праздник продолжался недолго. Нас разогнали. И вот три года тому назад появилась возможность сделать театр. Марина Дружинина, моя старая знакомая, которая в свое время, занимая довольно высокие посты в управлении культуры, очень помогла и мне, и Васильеву (теперь она является директором нашего театра), помогла и на сей раз. Вместе с ней мы отыскали для театра этот дом.

— Надо сказать, просто замечательный.

— Здесь была свадьба Чайковского, здесь Чехов подписывал с Сувориным первые контракты на издание своих сочинений, здесь неоднократно бывали Толстой и Достоевский. Профессура Московского университета отмечала «татьянины дни». Это, кстати, описано у Гиляровского в «Москве и москвичах», глава «На трубе»...

Я воспринимаю этот театр не как свой, а как наш. Если сегодня сюда придут самые замечательные наши режиссеры: Васильев, Гинкас, Виктюк, я буду счастлив. И — молодые. У нас только за прошедшие два сезона уже третий молодой режиссер ставит спектакль. Дол-

гое время обещает поставить у нас Марлен Хуциев. Я считаю его гением и готов, чтобы он ставил что угодно и когда угодно. Я бы очень хотел, чтобы здесь поставил что-нибудь главный режиссер театра «Габима» Ханаан Шнир. Я видел его спектакли, когда мы были на гастролях в Израиле, и считаю его человеком удивительно талантливым.

— Вас кто-то спонсирует?

— Зарплату зарабатывали сами: деньги от продажи билетов, гастроли и т. д. У нас есть спонсор — крупный коммерческий банк.

Я почти уверен, что искусство не стоит жизни и что никакие самые удивительные творческие замыслы в театре не имеют смысла, если не получишь удовольствия от репетиций, от самого общения с актерами. Я не знаю, нужен ли мне будет театр, если это все исчезнет. Но пока я получаю от работы удовольствие...